

Андрей Ливадный

СОПРИКОСНОВЕНИЕ.  
ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Москва  
T8 RUGRAM  
2019

УДК 82-31  
ББК 84(2Рос=Рус)

**Ливадный, А.**

Л55 Соприкосновение. Линия жизни / А. Ливадный. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 418 с. — (Миры Андрея Ливадного).

ISBN 978-5-521-73952-3

После катастрофы колониального транспорта «Прометей» на планете Пандора прошло немало лет. Потомки землян вынуждены выживать в ежедневных схватках с одичавшими сервами и беспощадными полукровками. На обломках гигантского космического корабля вырастают «заросли» темпоралов — энергетические артефакты древней цивилизации армахонтов. Прорваться сквозь них — нелегкая задача. Егору Бестужеву и его напарнику репликанту Грею она вполне по плечу.

BIC FLC  
BISAC FIC028000

ISBN 978-5-521-73952-3

© Ливадный А. А., 2019  
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019  
© Т8 Издательские технологии, 2019

# Глава 1

Тиха и коварна пандорианская ночь. В небе ни облачка. Стальная радуга, семь колец обломков на орбите планеты, изгибается тусклой дугой от горизонта до горизонта. Чуть выше светит полная луна, всегда оставаясь в одной и той же точке, правее видна яркая серебристая капля — это космическая станция Н-болг, принадлежащая морфам. Она тоже не движется, словно законы небесной механики больше не действуют в обозримой Вселенной.

В русле высохшей реки между обрывистыми берегами течет пыльная мгла.

Звуки невнятные. Лишь изредка можно различить мягкие шаги или услышать хруст гравия, проминающегося под цельнолитыми колесами планетарных машин. Сиплый шепот водородных движков сливается в монотонный шелест, не нарушающий естественных проявлений ночной жизни. Он тише, чем шорох веток кустарника, взъерошенных случайным порывом ветра.

Колонна растянулась пыльной змеей. Впереди уже показалась излучина русла, а за ней все явственнее проступает холодное зарево, мнящееся над мысом, выхватывающее из тьмы изломанную кайму колючего кустарника, а чуть выше — кроны редких деревьев да остовы загадочных, давно обветшавших конструкций.

Разговоров не слышно. Репликанты используют для связи модули технологической телепатии, остальным же настрого велено молчать.

— Егор, подожди. — Тихая фраза вплелась в мысли проводника, идущего во главе каравана. Он остановился. Пыль, поднятая планетарными машинами, еще не доползла до изгиба излучины, и проводник, окинув взглядом залитое лунным светом пространство, отступил в глубокую тень обрывистого берега.

На вид ему было лет тридцать. Крепкий, жилистый и почему-то совершенно седой. Лицо обветрено. Дыхательная маска болтается на шее. Одет он в выцветшую полевую форму, какую раньше носили репликанты корпорации «Прометей». Поверх нее струится металлокевлар легкой, не стесняющей движения брони, тоже порядком изношенной, сохранившей отметины от множества схваток.

На руках — перчатки с обрезанными пальцами.

Он единственный человек в составе колонны, но об этом никто не догадывается. Репликанты ведь тоже счи-

тают себя людьми. Память об их истинном происхождении утрачена.

Машины тем временем остановились. Люди и чужие действовали скоординированно, и только эшранг, хозяин груза, остался под защитой брони. Типа он тут главный.

Мимо промелькнула едва уловимая тень. «Морф», — безошибочно определил Бестужев. Способность этих существ к мимикрии общеизвестна. Разведчики они неплохие, но как бойцы — не очень. Оружия не признают. Действуют импульсивно, полагаясь на свою феноменальную живучесть, и оттого часто гибнут, особенно в схватках с одичавшими кибернетическими механизмами.

Ожидая, пока репликанты займут позиции, Егор Бестужев внимательно наблюдал за окрестностями. Он выглядел спокойным и собранным. В проседи его висков едва заметно выделялись тонкие, пронзающие кожу металлизированные нити. Над правой бровью виднелся глубокий шрам — след от сгоревшего импланта. Остальные пока еще служат.

Тиха, коварна пандорианская ночь.

Цепь пологих лесистых холмов протянулась вдоль русла пересохшей реки. Вдалеке за сполохами зловещего сияния смутно просматриваются контуры монументальных строений — там расположена древняя верфь армахонтов, вернее, руины ее планетарного дока.

Пыль медленно оседала. Тишина вдруг навалилась вязкая, словно вымерло все, но Егор не верил обманчи-

вым ощущениям, оставался настороже, знал: где-то поблизости всегда таится опасность.

Человеческий взгляд, имплантированный хондийский нерв и кибернетический расширитель сознания предлагали рассудку три разнящиеся в деталях картины окружающего, но Бестужев привычно объединял их, формируя целостное, непротиворечивое мироощущение.

Ближайший холм (в восприятии хондийского нерва) представлял собой сложное облако запахов, от него, истончаясь во тьму, истекали шлейфы особенно резких флюидов.

Имплантированный хондийский нерв безошибочно распознавал даже самые тонкие, едва уловимые ароматы, а тренированный рассудок Бестужева визуализировал эти ощущения. В сознании возникла четкая картина, построенная на основе запахов: слева от него на обращенном к руслу склоне, среди деревьев, у берега ручья темнел вход в старую заброшенную шахту. Там устроили логово амреши — мелкие хищники, опасные только в стае.

В ночной тиши неожиданно взвизгнул плохо отлаженный сервомотор. Егор обернулся на звук. Резкий, сложный, специфический запах встревожил обоняние, хондийский нерв отреагировал ощущением холода, несвойственное человеку отвращение промелькнуло в мыслях, но инициативу тут же перехватил расшири-

тель сознания, и на фоне тьмы проступили характерные силуэты, похожие на призрачных существ.

Энергоматрицы сервов. Стая из пяти машин обитала на правом берегу, за гребнем холма, — Егор читал их сигнатуры как открытую книгу. Эхо войны. Одичавшие и очень опасные экземпляры, функционирующие в автономном режиме.

Бестужев определил метку подразделения, к которому когда-то были приписаны эти боевые машины, его кибермодули сгенерировали код доступа, он вошел в локальную сеть стаи на уровне пассивного приема данных, ничем не выдав своего проникновения, и понял: заново переподчинить сервов не выйдет. Механизмы сбойные, их системы работают исключительно на самоподдержание. Главная задача — добыча ресурсов и охрана вверенной когда-то позиции.

Нет, даже пытаться не стану. Рискованно. Да и незачем.

Несколько секунд он пристально следил за кибернетическими механизмами. Системы вооружений сканировались уверенно. Тяжелый лазер и два импульсных двадцатимиллиметровых орудия. Набор по современным меркам внушительный, вызывающий тревогу. Не схлестнуться бы с ними ненароком.

Вновь встрепенулся хондийский нерв.

Над левым берегом в кронах деревьев шевельнулись ветви. Легкий ветерок налетел порывом, принес новый запах. Скулы у Егора моментально свело.

Полукровки. Трое. Жуткие гибридные твари. В разгар войны с чужими, когда речь шла о физическом выживании людей, в лабораториях старого колониального убежища были созданы две модификации репликантов. Первая — искусственные бойцы, выращенные в камерах биологической реконструкции. Они почти ничем не отличались от людей и не знали о своем происхождении. При помощи модулей технологической телепатии им инсталлировались полноценные личности, включающие воспоминания о детстве, юности, зрелости. Репликантов готовили как главную ударную силу для решающего наступления. Они должны были освободить Пандору от чужих и постепенно вместе с людьми заново заселить планету.

Второй тип репликантов был «сконструирован» при помощи генной инженерии. Бойцы немногочисленных спецгрупп являлись носителями хондийского нерва. В их задачу входил захват хондийских боевых кораблей и контроль над ними.

Теперь, по прошествии времени, Егор мог взглянуть на ситуацию со стороны, понять, насколько жутко и бесчеловечно приходилось действовать, но в те годы, ослепленный ненавистью, измученный постоянной внутренней борьбой, он не замечал ничего вокруг. Лично

тренировал репликантов. Иногда, в минуты слабости, позволял себе мечтать о настоящей жизни, что наступит после победы.

Сейчас судьба откровенно насмехалась над ним, скалилась в лицо, потирала сухие ручонки.

Вот она — послевоенная реальность.

Полукуровки ловко карабкались по ветвям. Наполовину люди, наполовину хонди. Черты их лиц неподвижны, скованы хитином. Движения точны. А вот смысл существования неясен.

Раздражающий запах щекотал ноздри. Имплантированный Егору хондийский нерв чувствовал «своих» и пытался сгладить его инстинктивную неприязнь к полукуровкам.

Вот так он и жил — на изломе трех разных, иногда взаимоисключающих мироощущений, не допуская никого в свой искореженный внутренний мир.

«Где произошел сбой? — Он продолжал наблюдать, осадив распоясавшийся хондийский нерв, приглушив его активность. — Почему в организмах полукуровок возобладали гены хонди? Насколько изменилась их психология? Осталось ли в них хоть что-то человеческое?»

От тяжелых мыслей Бестужева отвлекло появление Грея. Репликант, совсем еще мальчишка, уже командовал группой, отвечающей за сохранность груза.

После войны с чужими репликанты оказались брошены на произвол судьбы, предоставлены сами себе, но

сумели выжить и даже создали очаги собственной цивилизации.

Грей опасности не заметил. Уровень киборгизации у него высок, но качество имплантов скверное, да и установлены они кустарным способом. Программное обеспечение кибермодулей частью сбойное, что резко сужало круг возможностей при их применении.

— Справа стоя одичавших штурмовых сервов, — сухо сообщил ему Егор.

— Они заметили колонну? — встревожился Грей, пытаясь обнаружить сервомеханизмы.

— Нет, — уверенно ответил Бестужев. — Датчики у них «битые», да и работают в режиме «пассивного приема», — пояснил он. — А вот слева, в кронах деревьев, прячутся трое полукровок. Они нас наверняка видят, но вряд ли решатся напасть.

Репликант настороженно взглянул по сторонам, но вновь не заметил ничего необычного и оттого занервничал, нахмурился.

«Проводник попался странный, — думал Грей, сканируя заросли по обеим сторонам русла. — Эшранг его не нанимал. Повстречался случайно. Предложил провести через темпоралы — их скопление дальше по руслу обнаружили морфы».

Грей от помощи не отказался. Если у человека есть модуль технологической телепатии, значит, ему можно доверять. Таковы негласные правила. Но все равно не-